

ходить индивидуально. И, наконец, третий уровень, будучи фактически исходным двух предыдущих; он связан с необходимостью уловить и показать контексты формирования документа и его опечатаывание как целостности, а также появления при нем каждого отдельного оттиска и функций, которые они исполняли при документе.

Евтухов И. О.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА: БОРЬБА ЗА НАСЛЕДСТВО В АНГЛОСАКСОНСКОЙ АНГЛИИ X в.

Линда Толлертон, издавшая свою успешно защищенную в Йоркском университете диссертацию (PhD) в виде монографии «Завещания и составление завещаний в англосаксонской Англии» (2011) [1] отмечает, что процесс оформления завещания имел многоступенчатый характер, причем каждый этап был публичным (происходил в присутствии свидетелей). Венчало оформление одобрение (confirmation) светской властью (secular authority) [1, p. 67], которое фиксировалось в виде хартии на землю. Ненадлежащее оформление документа переводило завещание в разряд спорных. В этом случае наследникам приходилось вступать в борьбу за наследство. Именно с такой проблемой столкнулась Эадгифу (ум. 968), занимавшая видное место в англосаксонском обществе первой половины X в.: жена короля Эдварда Старшего (замуж вышла в 919 г., овдовела в 924 г.), мать королей Эдмунда и Эадреда, бабушка королей Эдви и Эдгара [2, p. 146]. Ее многолетняя борьба за отцовское наследство отражена в хартии S 1211. Источник использовался по сборнику «Избранные английские исторические документы девятого и десятого веков» (1914), подготовленному Флоренс Хармер [3].

Исследования, специально посвященные хартии S 1211 в англоязычной историографии отсутствуют. Большинство авторов, затрагивающих документ, ограничиваются пересказом обстоятельств, связанных с наследством Эадгифы. Выводы, тем не менее, присутствуют. В частности, внимания заслуживает подчеркивание важности формата хартии. Хелен Форбс отмечает, что хартии сами себе «имеют символическую и материальную ценность в качестве доказательства права собственности, и в этом смысле их содержание может рассматриваться как менее значимое (less significant), чем само существование хартии» [4, p. 225]. Скотт Смит обратил внимание на заключительный пассаж хартии

о том, что грамота на землю в конце концов была собственноручно возложена Эадгифой на алтарь церкви [5, р. 34]. Вывод единственной статьи в российской историографии, имеющей отношение к хартии, носит самый общий характер: «В любом случае дело о землях в Кулинге и Остерленде еще раз подтверждает, что в англосаксонском социуме справедливость судебных решений была весьма относительной, а исход спора во многом определялся положением в обществе тяжущихся сторон вне зависимости от их пола» [6, с. 183]. Вне поля зрения исследователей остался вопрос о юридическом статусе спорных земель.

Современная англосаксонистика признает три возможных юридических статуса земельного владения: фолкленд, бокленд, лоанленд. Наследство, которое Эадгифе оставил ее отец, элдормен Кента Сигельм, составляли земли, «*swa he mid rihte beget, 7 him his yldran læfdon* = которые он по праву получил и ему его предками оставленные/завещанные». Таким образом, комплекс имел двойной статус. В него входил бокленд (? – земли полученные) и фолкленд (земли унаследованные). Двойной статус отражает продолжение данного предложения: «*hire læfde hire fæder land 7 boc* = ей оставил/завещал ее отец землю и **грамоту**». При обозначенном выше подходе к анализу документа земля интерпретируется как фолкленд, грамота – как бокленд.

Указанный комплекс земель кроме того имел статус лоанленда: находился в залоге у некого Годы: «*hire fæder aborgude XXX punda æt Godan 7 betæhte him þæt land þæs feos to anwedde, 7 he hit hæfde VII winter* = ее отец одолжил тридцать фунтов у Годы, и передал ему землю за деньги в **обеспечение**, и он [Года] держал ее в течение семи зим». Тот факт, что грамота осталась у Сигельма, указывает на сохранение за ним владельческих прав.

Через семь лет после перехода земли в залог события вокруг нее активизировались: «*þa tid þæt man beonn eall Cantware to wigge to Holme, þa nolde Sigelm hire fæder to wigge faron mid nanes mannes scette unagifnum, 7 agef þa Godan XXX punda 7 becwæþ Eadgife his dehter land 7 boc sealde* = в то время, когда мужчины всего Кента были вызваны на битву при Хólме, не хотел Сигельм, ее отец, на битву идти, не вернув каждому деньги, и вернул тогда Года XXX фунтов, и завещал Эадгифе своей дочери землю и грамоту дал». Ситуация выглядела вполне буднично и бесконфликтно: Года получил деньги, Эадгифу – грамоту, земля должна была вернуться к ней. Но Сигельм погиб в битве, а Года отрицал получение денег (*ætsoc Goda þæs feos ægiftes*). В результате земля осталась у него.

По совету Бирхсига Диринга Эадгифу принесла присягу, равную 30 фунтам, в Эйлесфорде на заседании шайргемота. Рассмотрение иска Эадгифы на суде шайра подтверждает сделанный ранее вывод о том, что одно из двух владений было фолклендом (вопросы, связанные с боклендом разбирал суд короля). Но присяга не привела к удовлетворению иска. Друзья Эадгифы обратились к королю с просьбой запретить Года пользоваться землей (*frynd fundon æt Eadwearde cynce þæt he him þæt land forbæd*). Можно предположить, что речь шла о том владении, которое, возможно, было боклендом. Но почему королю не была предъявлена оставленная Эадгифе отцом грамота? Она пропала? Обращение друзей к королю без предъявления документов успеха не имело.

Дело повернулось в пользу Эадгифы только после того, как король по неназванной в хартии причине «*Godan oncuþe swa swyþe swa him man ætrehte bec 7 land ealle þa þe he ahte*» = на Году разозлился так сильно, что ему была объявлена конфискация всех грамот и земли: всего, чем он владел». Имя короля в хартии не названо, но можно предположить, что это был Эдуард Старший. А конфискация владений Годы и передача их Эадгифе произошла или до его женитьбы на ней (919) или вскоре после нее. Земельные грамоты и земли (*bocum 7 landum*) получила Эадгифу.

Тем не менее, она решила переступить через свою многолетнюю вражду с Годой, не забирать все, а ограничиться малым: «*þa swæð heo þæt heo ne dorste for Gode him swa leanian swa he hire to geearnud hæfde, 7 agef him ealle his land buton twam sulungum æt Osterlande*» = Тогда говорит она, что она не посмела ради Бога ему так отплатить как он (от) нее заслужил, и возвращает ему его всю землю, за исключением двух сулунгов в Остерланде». Однако над Годой был установлен косвенный контроль, документы Эадгифу оставила себе (*noðde þa bec agifan* = ни одной хартии не вернула). Связь Остерланда с хартией/ями позволяет определить его как бокленд.

Ситуация вновь изменилась в 924 г. После смерти Эдуарда Старшего корону получил его сын от прежнего брака (и, соответственно, пасынок Эадгифы) Этельстан. Годы обратился к новому правителю с просьбой, чтобы «*he him geþingude wiþ Eadgife his boca edgift; 7 se cynce þa swa dyde*» = он сам упросил Эадгифу о его грамоте возвращения, и король сделал так». Уступив просьбе пасынка, Эадгифу отдала не все документы. Грамоты на земли в Остерланде (*Osterlandes bec*), она оставила себе, причем с согласия короля: «*7 he þa boc unnendre handa hire to let*» = И он грамоту охотно ей оставил». Заслуживает внимания тот факт, что слово

«грамота» в первом случае стоит во множественном числе (*bec*), во втором – в единственном (*boc*).

Возникшее противоречие может быть снято, если допустить, что при конфискации имущества Годы Эадгифу получила **две** хартии на Остерланд, а король дал согласие на переход к ней **одной** хартии. Тогда получается, что **вторым** документом была та самая оставленная отцом хартия, которая пропала (но каким-то образом оказалась у Годы) и в силу этого не могла быть представлена королю. Теперь обе хартии, связанные с Остерландом, оказались в руках у Эадгифы, после чего *«twelfa sum hire aþ sealde for geborene 7 ungeborene þæt þis æfre gesett spæc wære = из двенадцати один ей клятву дал за рожденных и нерожденных, что эта навсегда решена тяжба была»*. Король утвердил решение на уитангемоте (надо полагать через выдачу хартии).

Ситуация оставалась равновесной чуть более полутора десятков лет, от 939 г. до 955 г. (время правления Эадмунда и Эадреда): *«7 Eadgifu hæfde land mid bocum þara twegea cyninga dagas hire suna = И Эадгифа имела землю с грамотами (слово boc вновь стоит во множественном числе) в течение двух королей дней ее сыновей»*. Хартий теперь было три: прибавилось решение уитангемота.

Все изменилось после смерти Эадреда: Эадгифу лишилась всего имущества (*beryppte ælcere are*), а сыновья Годы Леофстан и Леофрик захватили ее два имения, Кулинг и Остерланд, которым, собственно, и посвящена рассматриваемая хартия. Сделано было все по воле нового короля, внука Эадгифы, Эдви, который сказал, *«þæt hy rihtur hiora wæren þonne hire = что у них больше прав на них [имения] было, чем у нее»*. Из изложения становится ясно распределение статусов внутри наследственного земельного комплекса. Кулинг – это фолкленд, Остерланд – это бокленд.

Почему у сыновей Годы оказалось больше прав? Потому, что конфискация этих имений у Годы была незаконной. Из хартии S 1445 («Фонтхиллское письмо») мы узнаем, что лоанленд не мог быть конфискован: *«hit wæs his læn ðæt he on sæt, he ne meahhte na his forwyrcan = это был его лоан [ленд], где он жил, он (король. – И. Е.) не мог у него отнять»* [7, р. 101]. Первой в русскоязычной историографии вопрос о юридическом статусе пяти гайд Фонтхилла как лоанленда поставила Ю. А. Бразовская в докладе «Историография «Фонтхиллского письма» (1990–2010-е гг.)» на ежегодной студенческо-аспирантской конференции БГУ в мае 2018 г.

Точка в тяжбе была поставлена после перехода короны к еще одному внуку Эадгифы, Эдгару: *«7 he 7 his wytan gerehton þæt hy manfull reaflac*

gedon hæfden = и он и его уитаны присудили, что они (сыновья Годы. – И. Е.) нечестивое ограбление сделали». На сцене появляется четвертая хартия, отменяющая предыдущую (решение уитангемота и короля Эдви). Все хартии (в документе вновь стоит множественное число) и спорные Кулинг и Остерланд Эадгифу передала собору Крайст Чёрч (*Cristes Cyrccean*) в Кентерберии: «*ƿa nam Eadgifu, be ƿæs cynincges leafe 7 gewitnesse 7 ealra his bisceopa, ƿa bec 7 land betæhte in to Cristes cyrccean mid hire aġenum handum upon ƿone altare lede ƿan hyrede on ecnesse to are 7 hire sawle to reste* = Тогда взяла Эадгифу по короля разрешению и свидетельству и всех его епископов **грамоты** и землю поручила Церкви Христа [и] со своими собственными руками положила ее на алтарь, как собственность общины навечно и ее души покоя». Дальнейшая судьба имений по англосаксонским хартиям не прослеживается.

После передачи указанных двух сулунгов в распоряжении Эадгифу оставались весьма значительные земельные ресурсы: Эдгар дал ей хартию на 65 гайд земли в Меоне взамен утраченной ранее [8, р. 654].

Таким образом анализ хартии S 1211 и сопутствующей исторической информации позволяет сделать следующие выводы о лоанленде:

1. Наследственные и приобретенные земли Сигельма, находившиеся в залоге (*anwedde*) у Годы, могут быть определены как лоанленд.
2. Данный лоанленд представлял собой единый комплекс, состоящий из фолкленда и бокленда. Подсудность комплекса проводилась по более высокому статусу. Поэтому присяга Эадгифы в суде шайра успеха не имела.
3. Статус лоанленда создавал защитный барьер от произвола королевской власти. Барьер, впрочем, легко преодолимый.
4. Передача спорных земель церкви была механизмом прекращения тяжбы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Tollerton L. Wills and Will-making in Anglo-Saxon England. York: York Medieval Press with The Boydell Press, 2011. 328 p.
2. A Historical Dictionary of British Women. L., N. Y.: Routledge, 2013. 512 p.
3. Grant of an Estate by Queen Eadgifu to Canterbury Cathedral, with an account of its Previous History // Harmer, F. E. Select English Historical Documents of the Ninth and Tenth Centuries. Cambridge: University Press, 1914. P. 37–38.
4. Forbes H. F. Heaven and Earth in Anglo-Saxon England: Theology and Society in an Age of Faith. L., N. Y.: Routledge, 2016. 410 p.

5. Smith Sc. Th. Land and Book: Literature and Land Tenure in Anglo-Saxon England. Toronto: University of Toronto Press, 2012. 288 p.

6. Болдырева И. И. Англосаксонские аристократки X–XI веков в земельных спорах // Научный диалог. 2016. № 11. С. 181–192.

7. The Fonthill Letter // The Cambridge Old English Reader/ Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 96–102.

8. Birch W. de Gray Cartularium Saxonicum. Vol. 3. L. : Whiting and Company, 1899. 696 p.

Ерашэвіч А. У.

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт (г. Мінск, Рэспубліка Беларусь)

АРГАНІЗАЦЫЯ І ФУНКЦЫЯНАВАННЕ ДЗЯРЖАЎНЫХ ФІНАНСАЎ ГУБЕРНЯЎ БЕЛАРУСІ КАНЦА XVIII – ПЕРШАЙ ПАЛОВЫ XIX ст.: СУЧАСНАЯ АЙЧЫННАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

Улічваючы шматаспектнасць праблемы, а таксама неадназначную трактоўку зместа і сутнасці паняцця «дзяржаўныя фінансы», іх структуры і функцый у сучаснай эканамічнай навуцы, прадставім толькі стан вывучанасці гэтага пытання сучаснымі беларускімі гісторыкамі. З гэтай нагоды матэрыял падаецца па пэўных тэматычных блоках.

Пры вывучэнні стану і характару дзяржаўных фінансаў пасля ўваходжання асноўнай часткі беларускіх зямель у склад Расійскай імперыі ў выніку падзелаў Рэчы Паспалітай Абодвух народаў (1772, 1793, 1795 гг.) да ліку дыскусійных пытанняў адносіцца праблема вызначэння геаграфічных і храналагічных рамак даследавання.

Частыя змены ў адміністрацыйна-тэрытарыяльным падзеле беларускіх зямель адбываліся ў часы кіравання Кацярыны II і Паўла I працягнуліся і пры панаванні наступных імператараў – Аляксандра I і Мікалая I [51, с. 266.]. Палітыка ж расійскага ўрада ў бюджэтна-фінансавай сферы на тэрыторыі губерняў Беларусі ці дзяржаўная фінансавая палітыка па фарміраванні і пераўтварэнні элементаў фінансава-крэдытнай сістэмы ў ходзе асноўных стадый працэса, накіраванага на паступовую змену і развіццё комплекса фінансавых адносін у пэўным напрамку шляхам механізма і адпаведных інструментаў, не вырашалася цэнтральнымі ўладамі як асобная задача ў ходзе правядзення палітыкі дэпалінізацыі і русіфікацыі края (у адрозненне, напрыклад, ад сістэмы мерапрыемстваў па «разбору» шляхты ці